

Конференция «Извлекаем ли мы уроки из истории? Культура памяти как путь к европейскому взаимопониманию», Варшава, 27.10–30.10.2016

Организатор: Международный образовательный центр в Дортмунде (IBV Dortmund)

Развитие польской культуры памяти после 1989 года¹

Роберт Траба (Robert Traba), профессор, директор Центра исторических исследований в Берлине Польской академии наук

Перед тем как перейти к спорным вопросам, я хотел бы обратить внимание на то, что в этом году я совместно с коллективом из 117 авторов из шести стран издал 9 томов книг о польско-немецких местах памяти. Это главная публикация моей жизни и один из самых обширных сборников, посвященных исследованиям памяти последних двадцати лет. До того я подготовил 6-томное издание на тему исторических проблем в политике памяти, существующих в отношениях Польши с ее соседями – от польско-немецкой, польско-белорусской, польско-украинской, польско-литовской тематики до спорных польско-российских и польско-еврейских вопросов. Два года назад вышла энциклопедия памяти *Modi memorandi*, посвященная разным способам сохранения памяти и видам памяти.

Я говорю это не для того, чтобы себя похвалить, а для того, чтобы поделиться очень важной рефлексией. Во время работы над данными изданиями и осмысления вынесенного из этого опыта у меня появилось чувство, которое нельзя назвать позитивным. Когда мы ведем разговор о памяти (особенно сильно это чувствуется в массмедиа), хвалим память, говорим об эпохах памяти, о преодолении прошлого, то – я все больше убеждаюсь в этом – «память» становится пустым словом. Оно ничего не меняет в способе нашего мышления и понимания прошлого. Память становится прикрытием, алиби, фасадом сути вещей, о которых нужно говорить.

Приведу два примера. В 2015 году я наблюдал празднование годовщины окончания войны в нескольких странах: в Польше, Германии, Франции, Австрии, частично в России, – а также проследил за эхом празднования этой годовщины в других европейских странах. Вывод в контексте культуры памяти был, к сожалению, печальным: все вспоминали свое окончание войны – или праздновали свою победу, или сосредотачивались на своем поражении. Призывы, которые мы слышим из уст большинства политиков: «Давайте создавать общую память!» – стали полной иллюзией в данном контексте. Мы хотим помнить о своих жертвах и праздновать свои победы. Подобный скептицизм наполнил меня и в связи с юбилеем написания письма польских епископов немецкому духовенству, которое стало символом польско-немецкого примирения. Это, конечно, очень хорошо – вспоминать о том событии в разных контекстах и разных ситуациях. В 1965 году оно было очень важным, прежде всего, для наших западных соседей – этап выхода Германии из ловушки наследия национал-социалистического прошлого. Пятьдесят лет спустя в Германии кроме небольшой группы политиков об этом событии почти никто не вспомнил. Это подтверждает тот

¹ Расшифровка записи и перевод с польского языка доклада, который Роберт Траба прочитал 27.10.2016 на конференции «Извлекаем ли мы уроки из истории?» Международного образовательного центра в Дортмунде (IBV Dortmund).

факт, что сегодня понятие памяти и дебаты о памяти становятся ширмой, фиговым листком, заслоняющим реальные проблемы, о которых я буду говорить дальше. Что такое «хорошая память»? Мне кажется, говоря «хорошая память», мы часто подразумеваем не то, что является сутью политики памяти. Мы подразумеваем воспоминания о хороших событиях прошлого в отношениях между соседними государствами, смысл которых сводится к тому, чтобы создавать новые основополагающие мифы для билатерального или европейского партнерства. А я считаю, что хорошая память должна помочь нам критически взглянуть, прежде всего, на свою историю. И такой памяти в современной Европе очень мало, потому что тяжелее всего критически взглянуть на самого себя, намного проще искать источник зла и всех бед в ком-нибудь другом.

В конце этого моего вступления я хотел бы обратиться к названию нашей конференции и стать на защиту истории. Я понимаю, что «извлекать уроки из истории» – это хороший слоган, но меня интересует, извлекаем мы уроки из истории или из прошлого? Можем ли мы с помощью дебатов и рефлексии переработать прошлое? Я говорю об этом, потому что часто история в контексте политики памяти становится субститутом памяти. Размывается разграничение фактических исторических исследований и памяти. К сожалению, память иногда может стать проклятием. И дело не только в проблемах, с которыми сталкиваются историки, но и с упрощенным способом ее подачи общественному мнению. Поэтому я сказал бы иначе: «Извлекаем ли мы уроки из прошлого?»

Что касается культуры памяти, то это очень важная категория в культурологических и исторических исследованиях как метод изучения явлений памяти. Но если мы говорим о культуре памяти в таком международном кругу, мне кажется, мы все-таки говорим о культурах памяти, так как они в разных странах очень часто воспринимаются и понимаются по-разному. Сами по себе культуры памяти очень разные.

Я хотел бы обратить внимание на сентенцию, которая была для меня очень важной, когда я начинал свои исследования памяти. Мне выпала честь познакомиться с Райнхартом Козеллеком, одним из наиболее значимых европейских интеллектуалов (он умер в 2006 году). Он написал такое предупреждение: если мы начнем заниматься только памятью, то попадем в спираль переопределения памяти и следующего ее слоя, мы оторвемся от реальности того, что когда-то произошло. Допустим, говоря о Первом или другом рейхе, мы можем перестать их отличать, так как они будут казаться нам чем-то похожим. Это очень важное предупреждение для всех, кто занимается памятью: нельзя отрываться от реалий, исторических фактов и событий, которые позже будут вспоминаться.

Выдающаяся немецкая исследовательница Алейда Ассман обращает внимание на то, что для Европы очень важна диалогичность памяти. Это понятие использовалось при подготовке международных встреч, дискуссий и т.д. Возникает вопрос: что в современных реалиях значит диалогичность памяти? Я написал Ассман, что, по моему мнению, чтобы достичь диалогичности памяти, сначала нужно иметь элементарное и минимальное знание и представление о себе и других. И чтобы эти знания в странах, которые участвуют в диалоге, были примерно на одном качественном уровне, особенно с учетом того, что каждый все больше и больше концентрируется на себе. Сначала нужна полифония истории. Мы должны в своем пространстве, через учебники, через гражданское образование, вводить больше «их», а не только «нашего», иначе мы будем культивировать лишь видимую диалогичность, которая опять начнет фокусироваться на собственной, а не на общей памяти. В крайнем случае она может привести к тому, что политика памяти станет миссией, целью которой будет доказать себе самому и другим: вы помните хуже, а наша память лучше.

Я попробую сконцентрироваться на двух темах: польские виды памяти после 1989 года и наиболее важные проблемы в польско-немецких отношениях.

Для меня точкой отсчета в вопросе коллективной памяти современного польского общества является не 1989 год, а 1980-й. Почему? Потому что революция «Солидарности» в 1980–1981 годах привнесла в польскую общественную жизнь нечто такое, что отличает Польшу от большинства стран постсоветского лагеря, для которых точкой отсчета в основном был 1989 год. И этим нечто был относительно высокий уровень индивидуальной свободы в начале 1980-х – до такой степени высокий, что тогда мог издаваться журнал «КАРТА». Конечно, он выходил в условиях конспирации, но выходил! В то время для польского общества как совокупности индивидуальных личностей не существовало проблемы обсуждения так называемых белых пятен истории. Конечно, это не была полная свобода, но тот уровень свободы, как мне кажется, был достаточным, чтобы точкой отсчета считать 1980 год.

Отрезок времени с 1980-го по 1989-й я назвал бы этапом демополизации памяти. До 1980 года действовала государственная монополия на память, хотя, конечно, это не был монолит, так как уже в 1970-х годах огромное значение в раскачивании коммунистической монополярной системы сыграл голос польской эмиграции, который был хорошо слышен и значение которого никак нельзя преуменьшать. Это влияние польского журнала «Культура», издававшегося в Париже, Радио Свобода и других. Второй этап – это 1990–1999 годы, которые я называю этапом плюрализации коллективной памяти или просто «большим открытием». Что я имею в виду? На данном этапе в Польше происходили все те процессы, которые были характерны для других постсоветских государств Центральной Европы. Процессы, связанные с культурой памяти, выражались, прежде всего, в изменении форм и видов памяти, которые нашли отражение в изменениях общественного пространства. Исчезли памятники коммунистических диктаторов, менялись названия улиц, и, конечно, изменился польский герб – произошло возвращение к исторической традиции первой и второй Речи Посполитой. Это были элементарные вещи, которые делает каждое государство, освобождаясь от прошлого политического режима, чтобы общество могло почувствовать новое качество исторического нарратива. Первый этап в хронологии памяти был очень важен для Польши. Он сильно отличался от происходившего в соседних странах, которые также переживали трансформацию. Что немаловажно, этап «большого открытия» в Польше начался именно с критического отношения к самим себе. В 1993 году в еженедельнике «Политика» появилась статья под названием «В шкуре немца», в которой описывалось массовое принудительное переселение немцев. Это было попыткой посмотреть на огромную трагедию принудительного переселения после окончания Второй мировой войны с совсем другого ракурса. Не с перспективы политики, а с перспективы жизненного опыта другого человека. Это была попытка ответить на вопрос, сделали ли мы, поляки, плохо другому человеку, будь он немцем, жителем Силезии, представителем мазурского меньшинства и т.д.

Вообще-то данные проблемы начали исследовать еще раньше. Например, я с группой соратников уже в 1990 году в Ольштыне организовал первую международную конференцию, посвященную проблематике земель, которые не всегда находились в границах польского государства, а были в Восточной Пруссии с ее самоидентификацией. Тогда такая конференция была как гром среди ясного неба. Долго не появлялось событий, которые могли вызвать такие крайние эмоции в польских СМИ.

Именно критический взгляд на самого себя был сутью данного этапа. Это элементарная вещь, которая касается каждого способа воспоминания о прошлом, – начать диалог. И, прежде всего, такой диалог нужно начать с самим собой.

Может возникнуть вопрос, не длился ли этот этап самокритики и саморефлексии слишком долго? Какую роль в его динамике и характере сыграли политические и интеллектуальные элиты – не только Польши, но и Европы?

С 70-х годов XX века в Европе есть тенденция – признать, что эпоха национальных государств заканчивается. Признание конца национальных государств, конечно, было иллюзией, но такой подход отразился на деятельности органов Европейского Союза и других европейских институтов. Какой может быть иной выход, если мы хотим сосредоточиться на вызове, которым является коллективная память, или, говоря более точно, национальные памяти?

Нужно согласиться, что существует огромная проблема упрощенного, узкого понимания культуры памяти, и надо подойти к проблеме с чувством огромной ответственности. Прежде всего, необходимо постараться переопределить ключевые понятия политики памяти и выработать такой нарратив, который будет противовесом и альтернативой нарративам твердого национализма, свойственного широким слоям польского общества. Мы слишком поздно поняли, что крайне националистические нарративы не только существуют, но и сильно влияют на восприятие тысяч людей. Это привело к тому, что мы оказались не готовы к ситуации, которая сейчас сложилась в Европе, – популистские движения, находящие все больше сторонников, используют в своих интересах националистический нарратив памяти, а мы не в состоянии выработать альтернативный нарратив.

Следующий этап начался в 2000 году. Почему именно 2000 год я считаю важной точкой отсчета в развитии польской коллективной памяти? Тогда произошли два события, которые как никогда после 1989 года всколыхнули общественное мнение. Я имею в виду появление немецкой инициативы – Центра против изгнания (*Zentrum gegen Vertreibungen*), которая стала к 2000 году очень популярной, а сама идея создания центра стала частью немецкой исторической политики. Правящая коалиция немецких христианских демократов и социал-демократов в 2005 году одобрила проект строительства центра, посвященного принудительному переселению немцев после окончания войны. Вторым событием, которое спровоцировало такую эмоциональную дискуссию, стал выход книги Яна Томаша Гросса «Соседи» – о еврейском погроме в польском городке Едвабне, инициированном немцами, но осуществленном поляками. У этих двух событий есть одна общая черта – я сейчас не об исторических фактах, а о механизмах памяти. Эти два события изменили способ восприятия себя поляками. Их посыл следующий: вы, поляки, были исполнителями, а другие – немцы и евреи – были жертвами.

Конечно, это немного упрощенный вариант представления данных событий, но это привело к ответной реакции и контратаке с польской стороны. Очень быстро вернулись старые польские демоны памяти, которые долго прятались где-то в глубине массового сознания: что польский народ исключительный в плане своей жертвенности. Вернулись подходы крайнего национализма и глорификации немногочисленных польских побед. И, в конце концов, появилась идея, что мы должны перестать говорить о себе критически и начать говорить о себе аффирмативно, положительно. Аффирмативная история против критической истории, «утверждающая память» против «критической памяти». Эти два понятия столкнулись после 2000 года.

Аффирмативный подход к своей собственной истории является одной из важных проблем, которая касается всех нас. В Польше это очень хорошо видно, так как аффирмативность дождалась здесь своего утверждения и дефиниции, которую дала группа польских интеллектуалов. Мы хотим аффирмативной памяти. Но выход ли это из ситуации?

Мне кажется, что такой утверждающий подход доминирует и по сей день. Формула аффирмативной памяти проста: нужно постоянно вспоминать события из прошлого, особенно позитивные моменты, и особенно подчеркивать польскую жертвенность, которая стиралась из памяти, а ее значение преуменьшалось. Методом построения аффирмативной памяти была презентация польского народа как общества, переживающего кризис идентификации и нехватку национальных мифов, которые помогли бы этому обществу самоутвердиться через понимание своего исторического наследия. Я с этим не согласен, но это так есть.

Цементировала данную концепцию огромная трагедия, эхо которой слышно до сих пор и дискуссии о которой не утихают: катастрофа президентского самолета под Смоленском 10 апреля 2010 года и гибель в ней польского президента и правящей элиты польского государства. У меня нет сомнений, что на эту тему появится еще много исследований, которые будут обращаться не к самой катастрофе, а к ее роли в способе восприятия прошлого.

Во время работы над 9-томным сборником о польско-немецких местах памяти мы должны были выбирать, что именно будет в книге такими местами памяти. Само собой, я говорю сейчас не о топографии, а о символах, артефактах, событиях и личностях, которые могут влиять на формирование нашей исторической самоидентификации. Мы приняли именно такое определение места памяти – то, что влияет на нашу идентификацию. Конечно, мы задумались, является ли Катынь польско-немецким местом памяти. Это было в 2008-м или в 2009 году. В то время в Польше на экраны вышел фильм Анджея Вайды «Катынь». Ни один из немецких кинотеатров не включил этот фильм в свой репертуар. Для нас это было сигналом того, что не нужно рассматривать Катынь как польско-немецкое место памяти, так как в Германии Катынь не влияет на формирование представления о совместном прошлом. Наш сборник уже был в печати, как вдруг после катастрофы президентского самолета под Смоленском в 2010 году фильм «Катынь» появился в немецком кинопрокате. Конечно, нужно помнить, что президентский самолет летел в Катынь по случаю годовщины массового расстрела польских офицеров и элиты органами НКВД. И именно историческая трагедия вместе с катастрофой президентского самолета повлияли на рост интереса к Катыни в Германии. До 2010 года тема Катыни как места памяти в Германии кроме узкого круга людей никем не рассматривалась, а после трагедии появилось столько материалов, что хватило бы не на одну книгу.

Что разделяет немцев и поляков? Или что объединяет? Разделяет нас многое. Из ста общих польско-немецких мест памяти, которые мы выбрали для описания, 99 таких, что нарративы этих мест, их восприятие и т.д., разные. Я думаю это хороший индикатор – 99 мест из 100, чтобы показать, насколько мы отличаемся. Является ли это чем-то плохим? Или чем-то странным? Нет. Если бы мы – белорусы, россияне, украинцы и поляки – выбирали общие места памяти, то пришли бы к похожему выводу. Сработал бы схожий механизм – каждая из сторон выступала бы с позиции своего восприятия, такого понимания, которое можно использовать для формирования каждой отдельной самоидентификации.

Но я хочу обратить внимание на один факт. В таком международном кругу, может, я и не должен этого говорить, но, тем не менее, скажу, так как, по моему мнению, это чистая правда. Кроме примера двусторонних отношений Польши и Германии, нет других примеров европейских стран, которые так глубоко, с разных ракурсов и всеобъемлюще могут говорить о совместном трудном прошлом, – несмотря на огромные сложности, различия и асимметрию понимания истории в обществе и восприятия истории и прошлого как материала самоидентификации.

В Германии в 1970-х годах, после революции 1968 года, наступил процесс, который продолжается и сегодня, – индивидуализация взглядов на прошлое. Это очень сильно проявляется, например, в учебниках. Мне кажется, и в Польше, и в Беларуси, и в России или Украине история остается важным фактором для конструирования массовой идентификации.

Приведу еще один польский пример. Знаете ли вы, сколько процентов резолюций и законопроектов, относящихся к истории, принял польский парламент в 2005–2007 годах? 27 процентов. То есть в европейском государстве средней величины более четверти времени работы парламента уходит на принятие исторических законов! Для меня это было шоком. Ну хорошо, тогда у власти находилась национально-консервативная коалиция, которая могла так интенсивно заниматься этими вопросами. А сколько в процентном соотношении исторических законопроектов принято в 2007–2011 годах, когда правила так называемая либерально-народная коалиция? Почти столько же, сколько и предшественниками, почти 25 процентов! Я, конечно, могу радоваться этому как историк, тем более занимающийся вопросами памяти, но я этого не понимаю. Не знаю, хорошо ли это, когда в европейской стране, вокруг которой происходит так много событий, история играет такую важную роль и ей посвящается столько времени. Может, я ошибаюсь и так оно и должно быть, но мне кажется, это слишком много.

Возвращаюсь к польско-немецким отношениям. Одну асимметрию я назвал. Вторая асимметрия возникает из-за разницы в историческом опыте. В случае с немцами и поляками это проявляется даже на языковом и семантическом уровне. Если спросить среднестатистического немца, с чем у него ассоциируется понятие оккупации, то он назовет период 1945–1949 годов, когда Германия находилась под оккупацией западных союзников и советской администрации. В Восточной Европе, в Польше, первая ассоциация со словом «оккупация» – период Второй мировой войны и проблема, как эту войну пережить. В немецком представлении оккупация – это мирное явление, она проходила в совсем других политических и экономических условиях. Во втором же случае оккупация – это негативный, страшный опыт, главным в котором для человека и народа было физически и биологически выжить. Как тут выработать общий нарратив, если уже на семантическом уровне мы так сильно отличаемся? И подобных примеров много.

Для Польши исторической травмой остаются разделы Речи Посполитой. Это катастрофа: было государство – нет государства. Потом восстания, борьба, гибель... На этом базируется национальная история. Если сказать немцам о разделе, то это будет пониматься как разделение Германии, относительно мирный процесс, когда было одно немецкое государство, а появились два. Так что, на семантическом уровне выработать совместный нарратив очень тяжело.

И, наконец, интерпретация событий. Один мой знакомый германист предложил создать и использовать две разные ленты исторических событий и понятий, которые эмоционально близки как немцам, так и полякам. Я говорю о периоде войны и первых послевоенных лет. Для немцев это национал-социализм, Холокост, бомбардировка немецких городов, принудительное переселение и тотальная война на уничтожение против СССР. Это пять основных терминов, с помощью которых можно понять немецкое историческое самосознание и представление. С польской стороны это совсем другие понятия: 1 сентября 1939 года, Варшавское восстание, Аушвиц (это будет пример общего для немцев и поляков термина, но понимание его будет разным), травма Катыни и потеря восточных территорий Речи Посполитой. В понятиях «потеря восточных территорий» и «принудительное переселение» будет нечто общее для

немцев и поляков, как и в понятии «Аушвиц». Но это только кажется, что мы понимаем данные события и понятия одинаково.

В известном комплексе «Территория съездов НСДАП» в Нюрнберге (Reichsparteitagsgelände) сейчас работает один из лучших музеев и документационных центров. Там проходила замечательная выставка «Железнодорожный путь» (Das Gleis) о роли Немецких железных дорог в процессе истребления евреев. Когда мы узнаем, что на начальном этапе евреи должны были покупать себе билеты в Аушвиц, то это очень сильно воздействует на нас и оставляет неизгладимый след в нашем воображении. В конце выставки находятся девять стендов, представляющих лагерь смерти и, конечно, Аушвиц. Под стендом надпись: «Аушвиц, 1942–1945». Мне кажется, ни один польский посетитель данной выставки не сможет согласиться с такой датировкой. Ведь мы знаем, что концлагерь Аушвиц это нечто больше, чем Аушвиц-Биркенау. Лагерь появился в 1940 году и сначала не был лагерем смерти. То, что на немецкой выставке не учли эти полтора года (конечно, не специально и не догадываясь, к чему такая датировка может привести и какой конфликт памяти спровоцировать), показывает, как сильно мы отличаемся.

Наши исторические памяти могут отличаться даже в таких элементарных вещах, как потеря территорий после войны. В случае Польши и Германии это была потеря восточных территорий каждой страны. Один из выдающихся немецких политиков как-то во время встречи сказал: «Знаете, мне кажется, в понимании этого исторического события мы достигли успеха. Поляки и немцы могут говорить о похожем опыте и общей исторической судьбе. Вас переселяли, нас переселяли. И с помощью этого общего исторического опыта мы можем смотреть на историю». Я в тот момент пришел к выводу, что такое понимание и такая интерпретация могут оказаться не лучшим вариантом. Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы могли выработать общую историческую судьбу, тогда нам было бы проще понять друг друга. Только общий исторический опыт, симметрия была бы в том случае, если бы поляки и немцы лучше понимали бы, что перед этим событием Польша пережила пять лет немецкой оккупации.

А с восприятием оккупации ситуация выглядит очень плохо. Мы помним отдельные явления – расстрелы, концлагеря и много других трагических событий. Оккупацию же в целом не помнят. Я думаю, что это недостающее звено в рассказе о себе. Потому что почти шесть лет оккупации – это не только расстрелы, это, прежде всего, бытовой аспект, жизнь под оккупацией каждый день: обязанность переходить на другую сторону улицы, снимать шапку перед немцами, неуверенность и издевательства и так далее. Такую ситуацию один польский писатель назвал «воображаемая жизнь». Мне кажется, что этот аспект не был достаточно проработан, а в подсознании поляков именно он укоренился очень глубоко. Это влияет на то, что появляются все новые и новые пласты недопонимания, когда накапливаются комплексы – например, разница в уровне жизни богатых западных немцев и бедных поляков и т.д. И именно доработка данного аспекта периода оккупации – это то дело, которое мы должны сделать как можно скорее.

В заключение я хочу сказать, что вижу свет в конце туннеля. Это литература, которая появляется на польском рынке, – проза как польских авторов, так и зарубежных, например, Светланы Алексеевич. За последние два года на польском рынке появились три важные публикации: «Шум» Магдалены Тулли (Szum, Magdalena Tulli), «Маленькое уничтожение» Анны Янко (Mała Zagłada, Anna Janko) и «Обвиняю Аушвиц» Миколая Грюнберга (Oskarżam Auschwitz. Opowieści rodzinne, Mikołaj Grynberg). Все они стараются показать, что поляки не «рассчитались» со своим трауром. Из-за политического режима в Польше после войны и послевоенных реалий у

поляков не было возможности проработать те аспекты, которые кажутся само собой разумеющимися, – пережить до конца собственный траур. В Польше уже выросло второе поколение после поколения свидетелей, которые воспитывались в условиях невысказанного трагического опыта своих родителей, их неизжитых травм. И сейчас это поколение кричит о прошлом не для того, чтобы кого-нибудь обвинить или выстроить шкалу жертвенности, а для того, чтобы выплеснуть накопившуюся боль. Ту человеческую боль, от которой не могли избавиться их родители. И второй пример света в конце туннеля – это совместный польско-немецкий учебник истории, который является результатом польско-немецкого исторического диалога. В сегодняшних условиях в Европе ни у одной страны нет шанса подготовить с другой страной совместный учебник. Не дополнительные дидактические материалы к урокам истории, а обычный учебник истории для использования в школах двух стран. Он охватывает не только недавнюю историю, но и историю взаимоотношений польского и немецкого государств на протяжении нескольких веков. Готов уже первый том учебника, сейчас заканчивается работа над вторым томом, а третий в планах. И я очень надеюсь, что учебниками будут пользоваться школы в Польше и Германии. На этой оптимистической ноте я хочу закончить свое выступление.

Из ответов на вопросы о польско-немецком опыте, истории польско-еврейских отношений и аффирмативной памяти.

Можно ли перенести опыт польско-немецкого диалога на польско-российский диалог? Точь-в-точь его перенести не получится. То, что является важным и носит универсальный характер, – это границы, в которых проходит дискуссия. Я имею в виду реальное пространство для диалога. Чтобы такое пространство появилось, должны возникнуть благоприятные для него условия. Думаю, что это сегодня, прежде всего, внутренняя проблема России, Беларуси и Украины. Польско-немецкий пример стал стечением обстоятельств – в этом была и удача, и случайность. Никто не знал, что письмо польских епископов немецким будет иметь такое значение, особенно его главный посыл – «прощаем и просим о прощении». Мне кажется, даже Вилли Брандт не отдавал себе отчета, что делает для памяти, когда преклонил колена перед Памятником героям гетто. Эти события стали отправными пунктами диалога, а позже на институциональном уровне появились акторы данного процесса. И это очень важно в сегодняшних условиях – не опускать руки, продолжать поддерживать сообщества, которые хотят диалога. Если бы Польско-немецкая комиссия по вопросам создания совместного учебника в 1970-х, 1980-х или даже в 1990-х годах перестала видеть смысл в своей работе (а для этого было много предпосылок – особенно критика, что комиссия работала во время Польской Народной Республики, когда была цензура и т.д.), то много чего не удалось бы достичь. И только в 2008 году, после встречи польских и немецких министров, был дан ясный сигнал – учебник должен появиться. Мы сказали, что, конечно, наработки у нас готовы, если будут средства, то мы подготовим учебник. Это показывает, как важно встречаться с партнерами, дискутировать о проблемах и, прежде всего, проводить диалог внутри своей страны. Позже таким уникальным опытом можно делиться. Например, два года назад к нам обратилась китайско-японская комиссия с вопросом, как нам это удалось. Разумеется, наш опыт один к одному перенести на почву других стран, тем более в Азии, не получится. Главное помнить, что, когда появится момент для начала полноценного диалога, должны быть подготовленные люди и организации, которые займутся этим процессом.

Что касается роли еврейской истории в польском национальном нарративе, то это очень трудная, многослойная, но интересная проблема. С одной стороны, недавно появился Музей истории польских евреев (POLIN). Это было то белое пятно, которое нужно было заполнить новым нарративом. POLIN является самым важным и символическим местом, в котором (независимо от споров, возникающих вокруг музея) рассказывается еврейская история. В многочисленных польских городах появились фестивали еврейской культуры. В некоторых маленьких городках, в которых уже давно нет евреев, создаются музеи еврейского местечка, штетла. И все эти инициативы призывают к диалогу. С другой стороны, мы не можем до конца разобраться с трудным опытом польско-еврейских отношений. Нам до сих пор не удается рационально дискутировать о том, чем был польский антисемитизм. Но он был. Нам очень тяжело говорить о периоде 1943–1947 годов. Во время войны, когда в немецких концлагерях было уничтожено 90 процентов евреев, некоторые из них прятались в лесах и других местах, и тогда поляки, чтобы заработать или по другим причинам, часто выдавали или же сами убивали их. Это тема, о которой нужно говорить!

В свежем номере журнала «Политика» есть статья «От Украины веет холодом». Текст появился после показа в Польше фильма «Волынь» об убийстве поляков на Волыни. Мой рецепт, чтобы ни от кого не веяло холодом, чтобы преодолеть тяжелые для своей самоидентификации табуированные темы, нужно признать: «Да, так было. Да, это сделали мы». Но есть и большая опасность на психологическом уровне, это даже болезнь, когда мы в чем-то признаемся, а потом сразу добавляем «но». Например, «я сейчас бедный», «мне ничего не удалось достичь» или «я алкоголик» – и сразу добавляется «но»: «но ведь в Польше был коммунистический режим, это он во всем виноват». То есть после признания мы сразу переходим к оправданию. О том, что произошло, нужно сказать: «Да, это сделали мы». С точкой или восклицательным знаком в конце. И в польско-немецких отношениях удалось этого достичь. Мы уже не выясняем, кто кого и больше уничтожал, мы пытаемся понять суть событий. В таком уровне польско-еврейского диалога мы сейчас нуждаемся. Само по себе расчесывание старых ран, без рефлексии, не приведет ни к чему хорошему.

Я критически отношусь к аффирмативной истории. Но следует помнить, что, даже учитывая все ошибки, о которых я сказал, нет другой страны в Центральной Европе, которая так критически проработала бы историю своих отношений с евреями. Были ли похожие дебаты в таких странах, как, например, Чехия или Венгрия? Нет, не было. Проблема в том, что данная дискуссия в Польше, которая стала катарсисом, в некоторых моментах только утвердила определенные мнения и позиции. Мнение тех, кто считает, что ни в чем не виноват, ведь именно поляки были жертвами, среди них больше всего праведников народов мира и т.д. Это вряд ли изменится. И это подтверждают социологические исследования. Нам нужно сделать следующий шаг в данной дискуссии. Процесс идет. Сколько времени нужно было Германии, чтобы немцы вышли на честный разговор о том, что сделали? Мне кажется, если бы не революция 1968 года, то неизвестно, как обстояли бы дела сегодня. Я с огромным удивлением заметил, что первые биографии корифеев немецкой историографии, которые работали еще в 30-х годах XX века и после войны, начали появляться только в начале XXI века! Первое обширное исследование, посвященное участию простых немецких обывателей в преступлениях нацизма, это не известная выставка о вермахте, а книга Браунинга о батальоне 101 (Christopher Browning, *Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*), которая вышла в 1992 году. Рассматривая процессы памяти в разных контекстах, нужно учитывать, что постсоветские страны, особенно Польша, 40 лет после войны не могли открыто

говорить на эту тему. Поэтому сразу позитивного сдвига не произойдет. Но мы преодолели ту точку невозврата, которая могла бы вернуть процесс наших дебатов к уровню лжи и недоговоренностей.

Что касается аффирмативной памяти, мне трудно постфактум сказать, могло ли быть по-другому. Мне кажется, было бы лучше, если бы процесс памяти проходил иначе. Но этого не случилось. На примере сегодняшней ситуации с беженцами я вижу, как работает нарратив памяти. Тема актуальна не только в Польше и Германии, но во всей Европе. Правые популистские движения находят новых сторонников, и демагогия набирает обороты. Очень быстро забыто, что в странах Центральной и Восточной Европы, которые пережили 40 лет коммунистической идеологии, нужно разблокировать национальные нарративы, нужно их как-нибудь систематизировать, но так, чтобы они стали противопоставлением шовинистическим нарративам. Эту нишу начали занимать антагонистические, конфликтогенные и националистические нарративы. У меня есть любимый философ, бельгийка Шанталь Муфф, создавшая теоретическую структуру, в которой существуют антагонистическое, популистское и агонистическое общество. Антагонистическое общество – это примерно то, с чем мы имеем дело сегодня в Польше: нет общей площадки для дискуссии, а антагонизм формирует разные точки зрения, которые борются между собой. И это не является будущим демократии. Пример космополитического и популистского общества в некоей мере подходит для Германии. Главная проблема в том, что основные акторы дебатов в Германии – прежде всего, главные политические партии – уже много лет создают общие правящие коалиции. И в данной ситуации то, что является двигателем демократии, – отличия, на основании которых достигаются компромиссы, – становится непонятными для общества, и появляется популизм. Шанталь утверждает, что нам нужен спор, и это агонизм. Спор нужен нам как воздух. Только спор должен быть инклюзивным, и такой спор способствует развитию динамичной демократической структуры. Модель агонистической памяти является той моделью, в которой мы сейчас нуждаемся. Нужно спорить, нужно создавать альтернативы, но так, чтобы не очернять и блокировать других по принципу «только мы правы».